

Переполох

Машенька Павлецкая, молоденькая, едва только кончившая курс институтка, вернувшись с прогулки в дом Кушкиных, где она жила в гувернантках, застала необыкновенный переполох. Отворявший ей швейцар Михайло был взволнован и красен, как рак.

Сверху доносился шум.

Вероятно, с хозяйкой припадок... подумала Машенька, или с мужем поссорилась...

В передней и в коридоре встретила она горничных. Одна горничная плакала.

Затем Машенька видела, как из дверей ее комнаты выбежал сам хозяин

Николай Сергеич, маленький, еще не старый человек с обрюзгшим лицом и с большой плешью. Он был красен. Его передергивало... Не замечая

гувернантки, он прошел мимо нее и, поднимая вверх руки, воскликнул:

О, как это ужасно! Как бестактно! Как глупо, дико! Мерзко!

Машенька вошла в свою комнату, и тут ей в первый раз в жизни пришлось испытать во всей остроте чувство, которое так знакомо людям зависимым,

безответным, живущим на хлебах у богатых и знатных. В ее комнате делали

обыск. Хозяйка Федосья Васильевна, полная, плечистая дама с густыми черными бровями, простоволосая и угловатая, с едва заметными усиками и с

красными руками, лицом и манерами похожая на простую бабу-кухарку,

стояла у ее стола и вкладывала обратно в рабочую сумку клубки шерсти,

лоскутки, бумажки... Очевидно, появление гувернантки было для нее

неожиданно, так как, оглянувшись и увидев ее бледное, удивленное лицо, она слегка смутилась и пробормотала:

Pardon¹, я... я нечаянно рассыпала... зацепила рукавом...

И, сказав еще что-то, мадам Кушкина зашуршала шлейфом и вышла.

Машенька обвела удивленными глазами свою комнату и, ничего не понимая, не зная, что думать, пожала плечами, похолодела от страха... Что Федосья

Васильевна искала в ее сумке? Если действительно, как она говорит, она

нечаянно зацепила рукавом и рассыпала, то зачем же выскочил из комнаты

такой красный и взволнованный Николай Сергеич? Зачем у стола слегка выдвинут один ящик? Копилка, в которую гувернантка прятала гривенники и

старые марки, была отперта. Ее отперли, но запереть не сумели, хотя и

исцарапали весь замок. Этажерка с книгами, поверхность стола, постель всё

носило на себе свежие следы обыска. И в корзине с бельем тоже. Белье было

сложено аккуратно, но не в том порядке, в каком оставила его Машенька,

уходя из дому. Обыск, значит, был настоящий, самый настоящий, но к чему

он, зачем? Что случилось? Машенька вспомнила волнение швейцара, переполох, который всё еще продолжался, заплаканную горничную; не имело ли всё это связи с только что бывшим у нее обыском? Не замешана ли она в каком-нибудь страшном деле? Машенька побледнела и вся холодная опустила на корзину с бельем.

В комнату вошла горничная.

Лиза, вы не знаете, зачем это меня... обыскивали? спросила у нее гувернантка.

У барыни пропала брошка в две тысячи... сказала Лиза.

Да, но зачем же меня обыскивать?

Всех, барышня, обыскивали. И меня всю обыскали... Нас раздевали всех догола и обыскивали... А я, барышня, вот как перед богом... Не то чтоб ихнюю брошку, но даже к туалету близко не подходила. Я и в полиции то же скажу. Но... зачем же меня обыскивать? продолжала недоумевать гувернантка.

Брошку, говорю, украли... Барыня сама своими руками всё обшарила. Даже швейцара Михайлу сами обыскивали. Чистый срам! Николай Сергеич только глядит да кудахчет, как курица. А вы, барышня, напрасно это дрожите. У вас ничего не нашли! Ежели не вы брошку взяли, так вам и бояться нечего.

Но ведь это, Лиза, низко... оскорбительно! сказала Машенька, задыхаясь от негодования. Ведь это подлость, низость! Какое она имела право подозревать меня и рыться в моих вещах?

В чужих людях живете, барышня, вздохнула Лиза. Хотя вы и барышня, а всё же... как бы прислуга... Это не то, что у папашы с мамашей жить...

Машенька повалилась в постель и горько зарыдала. Никогда еще над нею не совершали такого насилия, никогда еще ее так глубоко не оскорбляли, как теперь... Ее, благовоспитанную, чувствительную девицу, дочь учителя, заподозрили в воровстве, обыскали, как уличную женщину! Выше такого оскорбления, кажется, и придумать нельзя. И к этому чувству обиды присоединился еще тяжелый страх: что теперь будет!? В голову ее полезли всякие несообразности. Если ее могли заподозрить в воровстве, то, значит, могут теперь арестовать, раздеть догола и обыскать, дотом вести под конвоем по улице, засадить в темную, холодную камеру с мышами и мокрицами, точь-в-точь в такую, в какой сидела княжна Тараканова. Кто вступится за нее? Родители ее живут далеко в провинции; чтобы приехать к ней, у них нет денег. В столице она одна, как в пустынном поле, без родных и знакомых. Что хотят, то и могут с ней сделать.

Побегу ко всем судьям и защитникам... думала Машенька, дрожа. Я объясню им, присягну... Они поверят, что я не могу быть воровкой!

Машенька вспомнила, что у нее в корзине под простынями лежат сладости, которые она, по старой институтской привычке, прятала за обедом в карман и

уносила к себе в комнату. От мысли, что эта ее маленькая тайна уже известна хозяевам, ее бросило в жар, стало стыдно, и от всего этого от страха, стыда, от обиды началось сильное сердцебиение, которое отдавало в виски, в руки, глубоко в живот.

Пожалуйста кушать! позвали Машеньку.

Идти или нет?

Машенька поправила прическу, утерлась мокрым полотенцем и пошла в столовую. Там уже начали обедать... За одним концом стола сидела Федосья Васильевна, важная, с тупым, серьезным лицом, за другим Николай Сергеич. По сторонам сидели гости и дети. Обедать подавали два лакея во фраках и белых перчатках. Все знали, что в доме переполох, что хозяйка в горе, и молчали. Слышны были только жеванье и стук ложек о тарелки.

Разговор начала сама хозяйка.

Что у нас к третьему блюду? спросила она у лакея томным, страдальческим голосом.

Эстуржон аля русс! ответил лакей.

Это, Феня, я заказал... поторопился сказать Николай Сергеич. Рыбы захотелось. Если тебе не нравится, та chre2, то пусть не подают. Я ведь это так... между прочим...

Федосья Васильевна не любила кушаний, которые заказывала не она сама, и теперь глаза у нее наполнились слезами.

Ну, перестанем волноваться, сказал сладким голосом Мамиков, ее домашний доктор, слегка касаясь ее руки и улыбаясь также сладко. Мы и без того достаточно нервны. Забудем о броши! Здоровье дороже двух тысяч!

Мне не жалко двух тысяч! ответила хозяйка, и крупная слеза потекла по ее щеке. Меня возмущает самый факт! Я не потерплю в своем доме воров. Мне не жаль, мне ничего не жаль, но красть у меня это такая неблагодарность! Так платят мне за мою доброту...

Все глядели в свои тарелки, но Машеньке показалось, что после слов хозяйки на нее все взглянули. Комок вдруг подступил к горлу, она заплакала и прижала платок к лицу.

Pardon, пробормотала она. Я не могу. Голова болит. Уйду.

И она встала из-за стола, неловко гремя стулом и еще больше смущаясь, и быстро вышла.

Бог знает что! проговорил Николай Сергеич, морщась. Нужно было делать у нее обыск! Как это, право... некстати.

Я не говорю, что она взяла брошку, сказала Федосья Васильевна, но разве ты можешь поручиться за нее? Я, признаюсь, плохо верю этим ученым беднячкам.

Право, Феня, некстати... Извини, Феня, но по закону ты не имеешь никакого

права делать обыски.

Я не знаю ваших законов. Я только знаю, что у меня пропала брошка, вот и всё. И я найду эту брошку! она ударила по тарелке вилкой, и глаза у нее гневно сверкнули. А вы еще и не вмешивайтесь в мои дела!

Николай Сергеич кротко опустил глаза и вздохнул. Машенька между тем, придя к себе в комнату, повалилась в постель. Ей уже не было ни страшно, ни стыдно, а мучило ее сильное желание пойти и отхлопать по щекам эту черствую, эту надменную, тупую, счастливую женщину.

Лежа, она дышала в подушку и мечтала о том, как бы хорошо было пойти теперь купить самую дорогую брошь и бросить ею в лицо этой самодурке. Если бы бог дал, Федосья Васильевна разорилась, пошла бы по миру и поняла бы весь ужас нищеты и подневольного состояния и если бы оскорбленная Машенька подала ей милостыню! О, если бы получить большое наследство, купить коляску и прокатить с шумом мимо ее окон, чтобы она позавидовала! Но всё это мечты, в действительности же оставалось только одно поскорее уйти, не оставаться здесь ни одного часа. Правда, страшно потерять место, опять ехать к родителям, у которых ничего нет, но что же делать? Машенька не могла видеть уже ни хозяйки, ни своей маленькой комнаты, ей было здесь душно, жутко. Федосья Васильевна, помешанная на болезнях и на своем мнимом аристократизме, опротивела ей до того, что кажется, всё на свете стало грубо и неприглядно оттого, что живет эта женщина. Машенька прыгнула с кровати и стала укладываться.

Можно войти? спросил за дверью Николай Сергеич; он подошел к двери неслышно и говорил тихим, мягким голосом. Можно?

Войдите.

Он вошел и остановился у двери. Глаза его глядели тускло и красный носик его лоснился. После обеда он пил пиво, и это было заметно по его походке, по слабым, вялым рукам.

Это что же? спросил он, указывая на корзину.

Укладываюсь. Простите, Николай Сергеич, но я не могу долее оставаться в вашем доме. Меня глубоко оскорбил этот обыск!

Я понимаю... Только вы это напрасно... Зачем? Обыскали, а вы того... что вам от этого? Вас не убудет от этого.

Машенька молчала и продолжала укладываться. Николай Сергеич пощипал свои усы, как бы придумывая, что сказать еще, и продолжал заискивающим голосом:

Я, конечно, понимаю, но надо быть снисходительной. Знаете, моя жена нервная, взбалмошная, нельзя судить строго...

Машенька молчала.

Если уж вы так оскорблены, продолжал Николай Сергеич, то извольте, я готов

извиниться перед вами. Извините.

Машенька ничего не ответила, а только ниже нагнулась к своему чемодану. Этот испитой, нерешительный человек ровно ничего не значил в доме. Он играл жалкую роль приживала и лишнего человека даже у прислуги; и извинение его тоже ничего не значило.

Гм... Молчите? Вам мало этого? В таком случае я за жену извиняюсь. От имени жены... Она поступила нетактично, я признаю, как дворянин...

Николай Сергеич прошелся, вздохнул и продолжал:

Вам надо еще, значит, чтоб у меня ковыряло вот тут, под сердцем... Вам надо, чтобы меня совесть мучила...

Я знаю, Николай Сергеич, вы не виноваты, сказала Машенька, глядя ему прямо в лицо своими большими заплаканными глазами. Зачем же вам мучиться?

Конечно... Но вы все-таки того... не уезжайте... Прошу вас.

Машенька отрицательно покачала головой. Николай Сергеич остановился у окна и забарабанил по стеклу.

Для меня подобные недоразумения это чистая пытка, проговорил он. Что же мне, на колени перед вами становиться, что ли? Вашу гордость оскорбили, и вот вы плакали, собираетесь уехать, но ведь и у меня тоже есть гордость, а вы ее не щадите. Или хотите, чтоб я сказал вам то, чего и на исповеди не скажу? Хотите? Послушайте, вы хотите, чтобы я признался в том, в чем даже перед смертью на духу не признаюсь?

Машенька молчала.

Я взял у жены брошку! быстро сказал Николай Сергеич. Довольны теперь? Удовлетворены? Да, я... взял... Только, конечно, я надеюсь на вашу скромность... Ради бога, никому ни слова, ни полнамека!

Машенька, удивленная и испуганная, продолжала укладываться; она хватала свои вещи, мяла их и беспорядочно совала в чемодан и корзину. Теперь, после откровенного признания, сделанного Николаем Сергеичем, она не могла оставаться ни одной минуты и уже не понимала, как она могла жить раньше в этом доме.

И удивляться нечего... продолжал Николай Сергеич, помолчав немного.

Обыкновенная история! Мне деньги нужны, а она... не дает. Ведь этот дом и всё это мой отец наживал, Марья Андреевна! Всё ведь это мое, и брошка принадлежала моей матери, и... всё мое! А она забрала, завладела всем... Не судиться же мне с ней, согласитесь... Прошу вас, убедительно, извините и... и останьтесь. Tout comprendre, tout pardonner³. Остаетесь?

Нет! сказала Машенька решительно, начиная дрожать. Оставьте меня, умоляю вас.

Ну, бог с вами, вздохнул Николай Сергеич, садясь на скамеечку около

чемодана. Я, признаться, люблю тех, кто еще умеет оскорбляться, презирать и прочее. Век бы сидел и на ваше негодующее лицо глядел... Так, стало быть, не остаетесь? Я понимаю... Иначе и быть не может... Да, конечно... Вам-то хорошо, а вот мне так тпррр!.. Ни на шаг из этого погреба. Поехать бы в какое-нибудь наше имение, да там везде сидят эти женины прохвосты... управляющие, агрономы, чёрт бы их взял. Закладывают, перезакладывают... Рыбы не ловить, травы не топтать, деревьев не ломать.

Николай Сергеич! слышался из залы голос Федосьи Васильевны. Агния, позови барина!

Так не остаетесь? спросил Николай Сергеич, быстро поднимаясь и идя к двери. А то бы остались, ей-богу. Вечерком я заходил бы к вам... толковали бы. А? Оставайтесь! Уйдете вы, и во всем доме не останется ни одного человеческого лица. Ведь это ужасно!

Бледное, испитое лицо Николая Сергеича умоляло, но Машенька отрицательно покачала головой, и он, махнув рукой, вышел.

Через полчаса она была уже в дороге.

Извините (франц.).2

моя дорогая (франц.).3

Всё понять, всё простить (франц.).